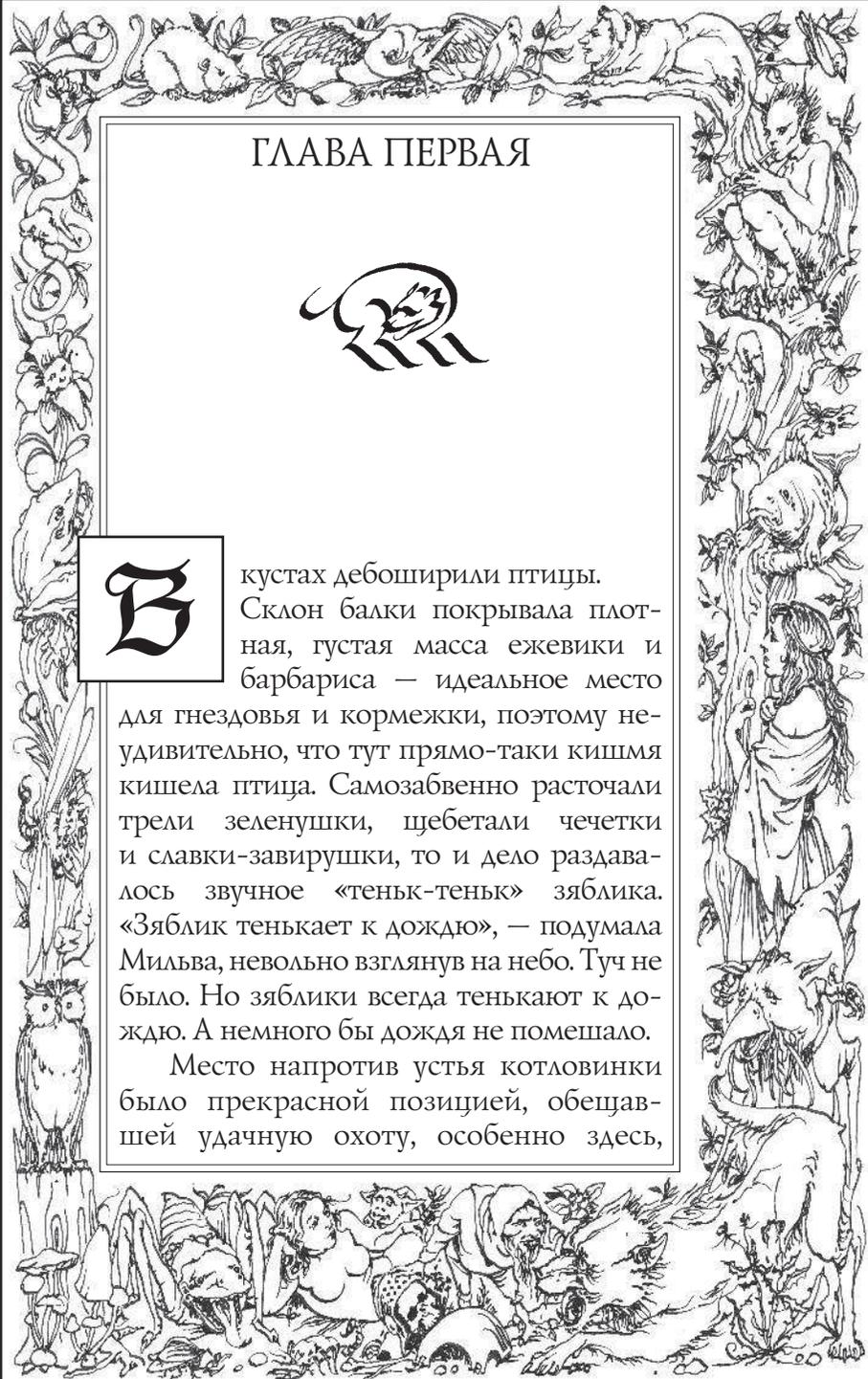

...И сказала гадалка ведьмаку: «Вот тебе мой ответ — обуи ботинки с подошвами железными, возьми в руку посох железный. Иди в тех железных ботинках на край света, а дорогу перед собой посохом оцупывай, слезой окропляй. Иди сквозь огонь и воду, не останавливайся, не оглядывайся. А когда сотрутса подошвы железные, изотретса посох железный, когда от ветра и жары иссохнут очи твои так, что боле ни одна слеза из них истечь не сможет, тогда на краю света найдешь то, что ищешь и что любишь. Может быть».

И пошел ведьмак сквозь огонь и воду и не оглядывался. Но не взял ни башмаков железных, ни посоха. А взял только свой меч ведьмачий. Не послушался он слов гадалки. И хорошо сделал, ибо была это плохая гадалка.

Флоуренс Деланной
Сказки и предания

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В

кустах дебоширили птицы. Склон балки покрывала плотная, густая масса ежевики и барбариса — идеальное место для гнездовья и кормежки, поэтому неудивительно, что тут прямо-таки кишмя кишела птица. Самозабвенно расточали трели зеленушки, щебетали чечетки и славки-завирушки, то и дело раздавалось звучное «теньк-теньк» зяблика. «Зяблик тенькает к дождю», — подумала Мильва, невольно взглянув на небо. Туч не было. Но зяблики всегда тенькают к дождю. А немного бы дождя не помешало.

Место напротив устья котловинки было прекрасной позицией, обещающей удачную охоту, особенно здесь,

в Брокилоне, пристанище всякой живности. Владеющие обширным лесным районом дриады охотились очень редко, а человек отваживался заходить сюда и того реже. Жаждающий мяса и шкур ловчий сам становился объектом ловли. Брокилонские дриады были безжалостны к пришельцам. Мильва имела случай убедиться в этом на собственной шкуре.

Чего-чего, а уж зверья в Брокилоне было предостаточно. Однако Мильва сидела в засаде уже больше двух часов, а на расстоянии выстрела еще никто не появлялся. Охотиться на ходу она не могла — стоявшая месяцами сушь выстлала почву хворостом и листьями, хрустевшими при каждом шаге. Сейчас только неподвижность в засаде могла завершиться успехом и принести добычу.

На лук присела бабочка адмирал. Мильва не стала ее пугать. Наблюдая за тем, как бабочка складывает и раскрывает крылышки, она одновременно смотрела на лук, новое приобретение, которому все еще не могла нарадоваться. Она была, как говорится, лучницей от Бога, обожала хорошее оружие. А то, которое сейчас держала в руке, было лучшим из лучших.

За свою жизнь Мильва сменила множество луков. Она училась стрелять из обыкновенных ясеневых и тисовых, но быстро отказалась от них в пользу чутко реагирующих на малейшее движение руки ламинированных, которыми пользуются дриады и эльфы. Эльфьи луки были короче, легче и удобнее, а благодаря комбинации дерева и сухожилий животных гораздо «скоростнее», чем тисовые, — выпущенная из них стрела достигала цели быстрее и летела по более пологой траектории, что значительно уменьшало возможность сноса ветром. Самые лучшие экземпляры такого оружия с четверным изгибом носили у эльфов название *zefnar*, потому что изогнутые плечи и грифы лука напоминали именно такой рунический знак. Мильва пользовалась *зефарами* уже несколько лет и считала, что вряд ли найдется лук, который бы превосходил их.

Но наконец напала и на такой. Было это, конечно, в Цидарисе, на Морском базаре, славившемся богатым выбором удивительных и редких товаров, которые моряки привозили из самых дальних уголков мира, отовсюду, куда только добирались их когти и галеоны. Мильва всякий раз, как только выпадала возможность,

посещала базар и осматривала заморские луки. Именно там она приобрела лук, который, как она решила, послужит ей долгие годы, изготовленный в Зеррикании зефар, усиленный шлифованным рогом антилопы. Этот лук она считала идеальным. Целый год. Потому что год спустя, на том же самом лотке, у того же самого купца увидела другое чудо.

Лук пришел с дальнего севера. Прекрасно сбалансированное оружие шестидесяти двух дюймов в размахе, плоские ламинированные плечи, склеенные из перемежающихся слоев благородной древесины, вываренных жил и китового уса. От лежавших рядом экземпляров его отличала не только конструкция, но и цена — и цена-то и обратила на себя внимание Мильвы. Однако стоило ей взять лук в руки и испробовать, как она, не колеблясь и не торгуясь, заплатила все, что требовал купец. Четыреста новиградских крон. Конечно, такой сногшибательной суммы при ней не было. Она тут же продала свой зерриканский зефар, связку собольих шкур и чудесной работы эльфийский медальончик — коралловую камю, обрамленную речными жемчугами.

Но не сожалела. Никогда. Лук был невероятно легкий и идеально меткий. Хоть и не очень размашистый, он таил в своих композитных плечах сильный удар. Снабженный прикрепленной к очень точно изогнутым грифам шелково-конопляной тетивой, он при двадцатичетырехдюймовом натяжении давал шестьдесят пять фунтов силы. Правда, существовали луки, дававшие даже восемьдесят, но Мильва считала это перебором. Выпущенная из ее «китовьей» шестидесятипятки стрела преодолевала расстояние в двести футов за время между двумя ударами сердца, а на ста шагах сохраняла силу, вполне достаточную, чтобы запросто уложить оленя. Человека же, если он был без лат, прошивала насквозь. На зверя крупнее оленя и на тяжеловооруженных людей Мильва охотилась редко.

Бабочка улетела. Зяблики по-прежнему шебуршились в кустах. И по-прежнему ничто не выходило на выстрел. Мильва оперлась бедром о ствол сосны и принялась вспоминать. Так просто, чтобы убить время.

Впервые она встретилась с ведьмаком в июле, через две недели после событий на острове Танедд и начала войны в Доле Ангре.

Мильва возвращалась в Брокилон после почти двадцатидневного отсутствия. Она привела остатки команды скоя'таэлей, разгромленной в Темерии, когда «белки» пытались пройти на территорию охваченного войной Аэдирна. Команда думала присоединиться к восстанию, поднятому эльфами в Доль Блатанна. Им не повезло. Если б не Мильва, с ними было бы покончено. Но они нашли Мильву и убежище в Брокилоне.

Сразу по приезде она узнала, что в Коль Серрае ее срочно ждет Аглайиса. Мильва немного удивилась. Аглайиса стояла во главе брокилонских целительниц, а глубокая, богатая горячими источниками и пещерами котловина Коль Серрая была местом лечебниц.

Однако она откликнулась на вызов, думала, речь идет о каком-нибудь лечащемся эльфе, который хочет с ее помощью связаться со своей командой. Увидев же раненого ведьмака и узнав, в чем дело, прямо-таки взбеленилась. Выскочила из грота с развевающимися волосами и все возмущение выместила на Аглайисе.

— Он меня видел! Видел мое лицо! Ты понимаешь, чем мне это грозит?

— Нет, не понимаю, — холодно ответила целительница. — Это Gwynbleidd, ведьмак. Друг Брокилона. Он здесь с новолуния. Уже четырнадцать дней. И пройдет еще какое-то время, прежде чем он сможет встать и нормально ходить. Ему нужны вести из мира, вести о его близких. Доставить их можешь только ты.

— Вести из мира? Да ты в своем уме, духобаба?! Ты хоть знаешь, что творится сейчас на свете за границами твоего спокойного леса? В Аэдирне — война! В Бругге, в Темерии и в Редании неразбериха, великая ловитва! За теми, кто поднял восстание на Танедде, гоняются повсюду. Кругом полным-полно шпионов и ан'гиваров. Хватит одного слова, достаточно губы скривить где не надо, и уже палач в яме тебя каленым железом пришпарит. И что, мне идти на разведку, выпытывать, известия собирать? Шею подставлять? И ради кого? Ради какого-то паршивого ведьмака? Он мне что, брат, сват? Нет, ты точно разума лишилась, Аглайиса!

— Ежели ты намерена и дальше орать, — спокойно прервала дриада, — то идем поглубже в лес. Ему нужен покой.

Мильва невольно оглянулась на выход из грота, в котором только что видела раненого. «Хорош парень, — невольно подумала она. — Правда, худ, кожа да кости... Башка белая, но живот плоский, словно у парнишки, — видать, труд ему друг, а не солонина с пивом...»

— Он был на Танеде, — отметила, не спросила она. — Бунтовщик.

— Не знаю, — пожала плечами Аглайиса. — Раненый. Нуждается в помощи. До остального мне дела нет.

Мильва отмахнулась. Целительница славилась нелюбовью к болтовне. Но Мильва успела послушаться сообщений дриад с восточных границ Брокилона, знала уже все о событиях двухнедельной давности. О рыжеволосой чародейке, явившейся одновременно с магической вспышкой в Брокилон, о калеке со сломанными рукой и ногой, которого она притащила в лес и который оказался ведьмаком, Гвинблейддом, Белым Волком, как его называли дриады.

Вначале, рассказывали дриады, неизвестно было, что делать. Заляпанный кровью ведьмак то кричал, то терял сознание. Аглайиса делала ему временные перевязки, чародейка ругалась. И плакала. В последнее Мильва совершенно не верила — кто-нибудь хоть раз видел плачущую чародейку? А потом пришел приказ из Дуен Канель, от Среброглазой Эитнэ, владычицы Брокилона. Чародейку отпустить. Ведьмака лечить.

И его лечили. Мильва видела. Он лежал в гроте, в лохани, полной воды из волшебных брокилонских источников, его укрепленные в шинах и на вытяжках конечности были опутаны плотным покровом из лечебных вьюнов конинхаэли и побегов пурпурного окопника. Волосы белые, ровно молоко. Он был в сознании, хотя те, кого лечили конинхаэлью, обычно чуть ли не трупом валяются, бредят, их устами говорит магия...

— Ну? — Невыразительный голос целительницы вырвал ее из задумчивости. — Так как? Что ему сказать?

— Чтобы шел ко всем чертям, — проворчала Мильва, поправляя оттянутый кошель и охотничьим ножом пояс. — И ты туда же, Аглайиса.

— Твоя воля. Я не принуждаю.

— Верно. И не принудишь.

Она не оглядываясь пошла в лес меж редких сосен. Она была зла.

О ночных событиях на острове Танедд в первое июльское новолуние Мильва знала из бесконечных разговоров скоя'таэлей.

Во время Большого Сбора чародеев на острове вспыхнул мятеж, пролилась кровь, полетели головы. Армия Нильфгаарда как по сигналу ударила на Аэдирн и Лирию, началась война. А в Темерии, Редании и Каэдвене все сосредоточилось на «белках». Во-первых, потому что, кажется, взбунтовавшимся чародеям на Танедде пришла на помощь команда скоя'таэлей. Во-вторых, потому что вроде бы какой-то то ли эльф, то ли полуэльф кинжалом прикончил Визимира, реданского короля. Повсюду бурлило, словно в котле. Кровь эльфов текла рекой...

«Да, — подумала Мильва, — может, и верно болтают жрецы, мол, конец света и Судный день уж рядом. Мир в огне, человек не только эльфу волк, но и человеку, брат на брата с ножом идет... А ведьмак лезет в политику и пристаёт к бунтовщикам. Ведьмак, который только для того существует, чтоб по миру болтаться и вредящих людям монстров кончать. Сколь существует мир, ведьмаки никогда не давали себя втянуть ни в политику, ни в войны. Недаром же сказывают сказку о глупом короле, который хотел ситом воду носить, зайца гонцом сделать, а ведьмака воеводой посадить. А тут, нате вам, ведьмак в мятеже супротив короля пострадал, в Брокилоне от кары хорониться вынужден. Нет, и впрямь конец света пришел. Точно!»

— Здравствуй, Мария.

Мильва вздрогнула. У стоящей при сосне дриады глаза и волосы были цвета серебра. Заходящее солнце окружало ее голову кроваво-красным ореолом на фоне пестрой стены леса. Мильва опустила на одно колено, низко склонила голову.

— Здравствуй, госпожа Эитнэ.

Владычица Брокилона засунула за лыковый поясок золотой ножик в форме серпа.

— Встань. Пройдемся. Хочу с тобой поговорить.

Они долго шли по заполненному тенями лесу, маленькая среброволосая дриада и высокая девушка с льняными волосами. Ни та, ни другая не прерывали молчания.

— Давно ты не заглядывала в Дуен Канелль, Мария, — сказала наконец дриада.

— Времени не было, госпожа Эитнэ. До Дуен Канелль от Ленточки долгая дорога, а я... Ты же знаешь.

— Знаю. Устала?

— Эльфам нужна помощь. Ведь я помогаю им по твоему приказу.

— По моей просьбе.

— Во-во. По просьбе.

— Есть у меня еще одна.

— Так я и думала. Ведьмак небось?

— Помоги ему.

Мильва остановилась, отвернулась, резким движением отломив платье веточку жимолости, повертела в пальцах, кинула на землю.

— Уже полгода, — сказала она тихо, глядя в серебристые глаза дриады, — я рискую головой, провожу в Брокилон эльфов из разгромленных команд. А как токо передохнут, раны подлечат, вывожу обратно... Мало тебе? Недостаточно я сделала? Каждое новолуние темной ночью на тракт отправляюсь... Солнца уже боюсь, ровно летучая мышь или сова какая...

— Никто не знает лесных тропок лучше тебя.

— В дебрях мне не узнать ничего. Ведьмак вроде бы хочет, чтобы я вести собирала, к людям пошла. Это бунтовщик, на его имя у ан'гиваров уши наставлены. Мне самой никак невозможно в городах показываться. А вдруг кто распознает? Память о том еще жива, не засохла еще та кровь... А много было тогда крови, госпожа Эитнэ, ох много.

— Немало. — Серебристые глаза пожилой дриады были чужими, холодными, непроницаемыми. — Немало, правда твоя.

— Если меня узнают, на кол натянут.

— Ты осмотрительна... Ты осторожна и внимательна.

— Чтобы добыть сведения, о которых просит ведьмак, надо забыть об осторожности. Надо расспрашивать. А сейчас любопытствовать опасно. Если меня схватят...

— У тебя есть контакты.

— Умучают. Заистязают. Либо сгноят в Дракенборге...

— Ты — мой должник.

Мильва отвернулась, закусила губу.

— Да, должник, — сказала она горько. — Не забыть.

Она прикрыла глаза, лицо вдруг сморщилось, губы дрогнули, зубы стиснулись сильнее. Под веками призрачным, лунным светом той ночи бледно забрезжило воспоминание. Неожиданно вернулась боль в щиколотке, схваченной ременной петлей, боль в выворачиваемых суставах. В ушах загудели листья резко распрямляющегося дерева... Крик, стон, дикое, сумасшедшее метание и жуткое чувство охватившего ее страха, когда она поняла, что ей не освободиться... Крик и страх, скрип веревки, раскачивающиеся тени, неестественная, перевернутая земля, перевернутое небо, деревья с перевернутыми кронами, боль, бьющаяся в висках кровь... А на рассвете — дриады, вокруг, веночком... Далекий серебристый смех... Куколка на веревочке! Дергайся, дергайся, куколка, головкой книзу... И ее собственный, но чужой визгливый крик. А потом тьма.

— Да, должник. Конечно, — повторила она сквозь стиснутые зубы. — Да, конечно, я же всяк, снятый с веревки. Похоже, пока я жива, мне с этим долгом не расплатиться.

— У каждого свой долг, — сказала Эитнэ. — Такова жизнь, Мария Барринг. Долги и кредиты, обязательства, благодарности, расплаты. Что-то кому-то должен сделать. А может, себе самой? Ведь если по правде, то каждый всегда расплачивается с самим собой, а не с кем-то. Любой долг мы выплачиваем самим себе. В каждом из нас сидит кредитор и должник одновременно. Главное — уравновесить этот счет. Мы приходим в мир как частица данной нам жизни, а потом все время только и знаем, что расплачиваемся за это. С самим собою. Для того, чтобы в конце концов сошелся баланс.

— Тебе дорог этот человек, госпожа Эитнэ? Этот... ведьмак?

— Дорог. Хоть он и сам этого не знает. Возвращайся в Коль Серрай, Мария Барринг. Иди к нему. И сделай то, о чем я прошу.

В котловинке хрустнул хворост, скрипнула ветка. Громко и зло прозвучал крик сороки, взлетели зяблики, мелькнув белыми правильными перышками. Мильва затаила дыхание. Наконец-то!

«Чек-чек, — крикнула сорока. — Чек-чек-чек». Снова скрипнула ветка.

Мильва поправила вытертый до блеска, на славу послуживший кожаный наплечник на правом предплечье, вложила кисть руки в прикрепленную к грифу лука петлю. Вынула стрелу из плоского колчана на бедре. Автоматически, по привычке проверила острие и оперение. Стержни стрел она покупала на ярмарках, выбирая в среднем одну из десятка предложенных, но перья прилаживала всегда сама. У большинства готовых стрел были слишком короткие воланы, и укреплены они были по оси стрелы, а Мильва пользовалась исключительно стрелами со спиральными воланами длиной не менее пяти дюймов.

Она наложила стрелу на тетиву и уставилась на выход котловинки, в зеленеющее между стволами пятно барбариса, отягощенного гроздьями красных ягод.

Зяблики улетели недалеко и снова принялись тень-тенькать. «Ну иди же, козочка, — подумала Мильва, приподнимая и натягивая лук. — Иди. Я готова».

Но косули пошли по балке в сторону болотца и источников, питающих ручьи, впадающие в Ленточку. Из котловинки вышел козел. Стройный, на глаз фунтов сорока весом. Он поднял голову, застриг ушами, потом повернулся к кустам, сорвал ветку.

Стоял он удачно — задом. Если б не ствол, заслонявший цель, Мильва выстрелила бы, не раздумывая. Даже попав в живот сзади, стрела прошла бы его и добралась до сердца, печени или легких. Попав в бедро, она рассекла бы артерию, животное тоже должно было бы вскоре пасть. Мильва ждала, не освобождая тетивы.

Козел снова поднял голову, сделал шаг, вышел из-за ствола и слегка повернулся. Мильва, удерживая тетиву в полном натяжении, мысленно выругалась. Выстрел в переднюю часть тела был нежелателен: наконечник вместо легкого мог угодить в живот. Она ждала, сдерживая дыхание, уголком губ чувствуя соленый привкус тетивы. Это было еще одно большое, прямо-таки неоценимое достоинство ее лука — пользуйся она более тяжелым или не столь тщательно изготовленным оружием, она не смогла бы так долго держать его в натяжении, не рискуя утомить руку и снизить точность выстрела.

К счастью, козел наклонил голову, сорвал выступающую из мха траву и повернулся боком. Мильва спокойно вздохнула, прицелилась в область легкого и мягко отпустила тетиву.

Однако ожидаемого звука ломаемого наконечником ребра она не услышала. Козел подпрыгнул, взвизгнул и скрылся, сопровождаемый хрустом сухих веток и шорохом листьев.

Несколько ударов сердца Мильва стояла неподвижно, окаменевшая, словно мраморная статуя лесной русалки. Лишь когда все звуки утихли, она отвела правую руку от щеки и опустила лук. Отметив в памяти, куда побежало животное, спокойно села и оперлась спиной о ствол. Она была опытной охотницей, браконьерствовала в господских лесах с малых лет, первую косулю уложила, когда ей было одиннадцать, первого четырнадцатилетнего оленя — по невероятному охотничьему везению — в день своего четырнадцатилетия. А опыт говорит, что никогда не следует спешить за подстреленным животным. Если попала хорошо, козел должен пасть не больше чем в двухстах шагах от устья котловинки. Если попала хуже — поспешность может испортить дело. Неудачно подстреленное животное, если его не тревожить, после панического бегства немного успокоится и пойдет тише. Если же преследовать и пугать — помчится сломя голову и остановится, лишь когда вымотается вконец.

Так что в распоряжении у Мильвы было никак не меньше получаса. Она прикусила сорванный стебелек и снова задумалась. Вспоминала.

Когда через двенадцать дней она вернулась в Брокилон, ведьмак уже ходил. Слегка прихрамывал и немного тянул бедро, но ходил. Мильва не удивилась — она знала о чудесных целительных свойствах лесной воды и травы, именуемой конинхаэлью. Знала также способности Аглайисы, неоднократно была свидетельницей прямо-таки мгновенного исцеления раненых дриады. А слухи о невероятной выносливости и стойкости ведьмаков тоже, видеть, не были высосаны из пальца.

Она не пошла в Коль Серрай сразу по прибытии, хоть дриады напоминали, что Gwynbleidd нетерпеливо ждал ее возвращения. Тянула умышленно, все еще недовольная поручением, намеренно показывала, что сначала должна провести в лагерь эльфов из очередной команды «белок». Пространно рассказала обо всем случившемся в пути, сообщила дриадам, что люди блокируют грани-